

Зарядьеология #5: «Идеология, культура и власть в пост-лужковской Москве»

13 декабря 2017, Галерея «Триумф»

Участники круглого стола:

Григорий Ревзин (историк архитектуры, профессор ВШУ, партнер КБ «Стрелка»),

Николай Малинин (архитектурный критик, куратор программы Arhiwood),

Антон Кальгаев (культуролог, куратор),

Илья Заливухин (архитектор, культуролог),

Тимур Башкаев (архитектор, автор интерьеров общественных зон парка Зарядья),

Ольга Вендина (геоурбанист, политический географ, Институт географии РАН),

Сергей Медведев (политолог, журналист, профессор НИУ ВШЭ),

Модератор дискуссии – **Борис Грозовский**, экономический и политический обозреватель, организатор публичных лекций и дискуссий.

Борис Грозовский (далее – Б.Г.): Добрый вечер, меня зовут Борис Грозовский, я экономический и политический обозреватель, организатор различных летних и зимних школ, публичных лекций и дискуссий и так далее, в основном в области экономики и политики. Мне ужасно приятно вести такой сегодня разговор о смыслах парка Зарядье. Это пятая, если я правильно понимаю, из серии дискуссия, организованная Высшей школой урбанистики НИУ ВШЭ Высшей Школы Экономики, линки на предыдущие дискуссии доступны на страничке проекта в Фэйсбуке. Спикеров у нас сегодня 8, мы сделаем 2 круга разговора, прежде чем перейти к дискуссии с залом вместе с вашими репликами, суждениями, возражениями.

Немножко обозначаем тематику этого разговора. Я вот о чем подумал, готовясь к нему: если попытаться на это произведение (парк Зарядье) смотреть каким-то таким взглядом инопланетянина, который заранее не знает целей, не знает смыслов, не знает тех ограничений, в рамках которого этот проект организовывается, вообще не знает странового контекста, городского и пр., как можно было бы реконструировать смысл того, что создано?

Ну, во-первых, это самый-самый центр, да? Центр столицы, 2 шага до российского Кремля, который является многовековым символом власти и ее носителей в современной России. Это с одной стороны. С другой стороны, у этого места очень плохая история, благодаря, наверное, всеми единодушно считавшимся неудачным проекту гостиницы «Россия», которая на этом месте располагалась, и затем многолетняя, десятилетняя, видимо, история о том, что на этом месте были таки развалины, то есть промышленная площадка, представлявшая собой развалины. Значит, соответственно, если попытаться реконструировать замысел, как бы не зная всего контекста, то можно было бы как подумать? Вот, значит, развалины, осколки старого советского социалистического проекта, с которыми непонятно было что делать, как вписать их в историческое наследие с одной стороны и в потребности современного города с другой стороны. Для проектировщиков, мог бы подумать условный реконструктор, в принципе неважно Зарядье – не Зарядье,

Кремль – не Кремль, пока это бессмысленное пространство в самом центре, где, в принципе, люди могли бы делать много полезного и интересного, да? Гулять, встречаться, слушать музыку в филармонии, в музей ходить, смотреть на разные интересные штуки. Давайте сделаем на месте промышленной площадки такой вот город-сад. И, соответственно, все критики, а критиков у этого проекта довольно много, в общем-то, начинают возражать на счет того, что если бы это было не Зарядье, если бы это была какая-нибудь московская окраина, или даже ЗИЛ, в конце концов, то, в общем-то, и вопросов не было бы, да? Проблема именно в том, что это, все-таки, не осколки промзоны, а это Зарядье, место очень наполненное смыслами, памятниками, подавляющая часть которых не сохранилась, но всё же. Значит, соответственно, дальше, продолжая некую условную реконструкцию замыслов инопланетянина, были промышленные развалины, есть желание сделать удобное комфортное, интересное насыщенное для разных активностей, место, куда люди будут ходить. Ок, сказано – сделано. Цена (14 млрд рублей) не супер важна, поскольку это такой символический проект, для такого парка, который рядом с Кремлем, столько потратить можно. И второй момент, значит, чем явно были вынуждены проектировщики и реализаторы этого проекта пожертвовать, это разного рода вещи, связанные с панорамой, ландшафтом, вписанностью в среду, но не вот в эту искусственную природную среду, а в среду историческую. Понятно, то, что мост перерезает панораму на Кремль, то, что гора загораживает оставшиеся храмы Зарядья, то, что под снос пошло здание на Варварке, 14 и так далее.

Примерно так, как мне кажется, это такое очень субъективное мнение человека, который вообще не является в отличии от большинства спикеров ни урбанистом, ни архитектором, о том, как этом замысел можно было бы реконструировать. Хотели создать интересное место? Получилось создать интересное место. Было здесь до этого некое пространство с очень неудачной историей, явно некий перелом есть, всё очень спорно с точки зрения вписанности в историческую среду, с точки зрения сохранения исторического наследия, но невозможно спорить с тем, что это место, в каком-то смысле, горожанами вернулось, что невозможно не признать. Если же говорить о таких символических уже смыслах, это я уже пытаюсь в режиме сразу накидывать некоторые суждения, с которыми, хотелось бы, чтобы вы дальше спорили, соглашались, отрицали в таком полемическом духе, чтобы было от чего в настоящем отталкиваться.

Парк как символический жест. Не воспринимать его как символический жест невозможно, просто в силу близости Кремля и значения Кремля для российской жизни, поэтому невозможно просто ограничиться тем, что сказать о том, что это было пустое заброшенное отделенное от горожан место, а теперь оно стало доступным, интересным, насыщенным и т.д. Ограничиться этим совершенно невозможно в силу близости Кремля, а тут «едва ли», - сказал бы вот этот мой уважаемый инопланетянин-реконструктор, «едва ли тут был какой-то специальный замысел, никто из президентской администрации не уполномочивал архитекторов, тем более американских, какие-то тут смыслы и политические жесты проявлять и реконструировать. Но само собой получилось вот что, можно вспомнить каток и этот самый светящийся чемодан Михаила Куснировича. Это как бы что? Это попытка показать, что Кремль, на самом деле, не чужой, это не какой-то там Олимп недоступный, а это место, в двух шагах от которого возможны самые простые

человеческие активности: купить дорогую вещь, привести ребенка на коньках покататься, то есть всё такое мягкое, плюшевое, такое ми-ми-ми. И это оказывается возможным рядом с таким «сакральным местом», олицетворением власти. Но при этом понятно, что каток и светящийся чемодан это какие-то совсем уж такие «карикатурные попытки приблизить власть к народу», то парк, как он реализован, «это, наверное», - сказал бы инопланетянин, - «попытка примерно такая же, но намного более пресвященная, культурная, как-то все-таки старались вписаться в органику исторической среды, да, какими-то панорамными пожертвованиями, но зато другие панорамы сохранены, не всё же испортили».

Это такие мои краткие размышления для затравки, совершенно не профессиональные, в отличии от всех коллег, которые будут выступать дальше.

В первом круге, из вопросов, поставленных организаторами, я предложил бы обсудить, все-таки, что это такое с точки зрения города, как место для горожан и каковы его символические значения, смыслы, если вы их видите. Итак, кто начнет первым?

Григорий Ревзин (далее – Г.Р.): Борис, а давайте вот так, по кругу. У нас автор прям, тогда, и с той стороны архитектор...

Б.Г.: Илья Заливухин, архитектор, культуролог. Мне кажется, что лучше если выступать все будут стоя, тогда вас точно будет видно.

Илья Заливухин (далее – И.З.): Я не стал писать «культуролог», не знаю, меня так первый раз назвали, себя я называю архитектор-градостроитель, но в этом есть что-то, и я так подумал, пусть останется и «культуролог». Я, наверное, не смогу говорить про смыслы какие-то глубокие, я просто скажу про то, что в моем понимании. Скажу сразу, что мне парк, в общем-то, конечно нравится, вот. Скажу, что с точки зрения моей градостроительной как бы, ну, хотелось бы, чтобы такие проекты все-таки шли не совсем сверху указанием, а все-таки являлись предметом комплексного такого проекта и обсуждения, что в простонародье, да и во всем мире, называется «мастерплан». Центральной ли части города, либо агломерации, или какого-то района. Исходя из этого, исходя из такой проектной работы, из того, кто в этой проектной работе задействован, это, конечно же, власть, которая организует всё это, различные департаменты, это представители общественных групп, специалисты и бизнес, который так или иначе потом будет или может как-то на это влиять и чем то управлять. И вот, исходя из этих групп, соответственно, разрабатываются, анализируя множество разных параметров этой социологии, экономики, экологии, инженерии, существующих условий, градостроительные регламенты, соседние территории, какие-то планы по развитию общественных пространств вообще центра города, возникают определенные решения о том, что делать на этом месте. Так делаются проекты, насколько мне известно, ну как бы во всем мире, в принципе, не знаю, возможно я ошибаюсь, какие-то там решения принимаются сверху, но чаще всего проекты иницируются, и, действительно, проходит какое-то время и происходит обсуждение. У нас, к сожалению, или не знаю, может к счастью, может быть по-другому это невозможно, как вариант, кстати, вообще нельзя исключать. Все решения вдруг мы неожиданно узнаем, что вот в Москве появится то или другое, это, в общем, такой... в пример можно приводить и этот парк Зарядье, это и реновация, это и московские центральные диаметры, которые вот как раз, их не было не было и вот они откуда-то появились. То есть,

это означает, что, в общем, эти проекты не остановить, они не откуда-то ... они где-то там существуют, но возникают так неожиданно потому что решения принимает у нас в стране один человек, это президент. И я не знаю, может быть, это и хорошо, потому что иначе мы не приняли бы одного решения, мы действительно бы смотрели на это с этой стороны, то с этой стороны, с другой стороны, и в итоге ничего вообще б у нас не получилось, стояла бы эта яма. Это так вот, о смыслах, вообще. Так, вот... И конкретно, что бы могло бы быть. Если сделан был бы проект такой более комплексный градостроительный, например, появилась бы, с транспортной точки зрения, появилась необходимость связать. Просто, ну, во всяком случае, в своей заявке я все время об этом говорил, что там нужен мост. Может это как бы не очевидная вещь, но продолжение вот этой всей пешеходной зоны в сторону Замоскворечья - это вроде бы вполне логичная вещь. И тогда бы с этого моста, ну я вот, конкретная вещь... можно было б фотографироваться и так далее. Но так как проект был сделан очень хорошо, но локально, то мост нельзя было сделать, потому что там другой департамент, как у нас обычно, и нельзя воткнуться в эту ТЭС, которая пока ещё работает, а из нее можно было бы прекрасно сделать, например, Tate Modern Gallery или там, я не знаю, русский музей чего-то там, но это же невозможно, у нас вообще такое ощущение, что вот Москва-река – это федеральная некая граница и нельзя было через неё перейти, поэтому мы со своей территории начали, и на свою территорию же и вернулись. Это всё вопросы юридические и вопросы землепользования, и все эти вопросы вместе объединяет мастер-план, который изначально для такой территории разрабатывается, да? Или еще один момент скажу, и, наверное, закончу, чтобы дать время другим, я понимаю, что по этому поводу можно бесконечно говорить, это транспортный вопрос, потому что эта набережная, она всегда стоит, и тоже мне всегда казалось, я извиняюсь за эту фразу, которую я всегда говорю, надо разделить городские улицы на скоростные дороги, то есть вот эти гибридные системы, они, собственно, никому не нужны, сейчас магистраль представляет собой абсолютно гибридную систему, то есть там надо, очевидно, сделать больше светофоров и больше нормальных пешеходных переходов-зебр, и тогда бы, если бы, ну скажем, этот принцип технологический был принят на этой набережной, потому что вообще это очень странно, что люди объезжают пробку третьего транспортного кольца и садового через центр, вообще-то с этим надо заканчивать. Понятно, что, собственно эта улица городская с деревьями, и тогда бы вы спокойно, не спускаясь под землей, а просто спокойно бы переходили на другую сторону, то есть, собственно, и не надо что-то там рыть. Знаете, все эти решения вытекают из мастерплана и всех основных стратегий, которые обычно разрабатываются и взвешиваются. В том числе и, кстати, экономика. Понятно, что 14 млрд - это немало и немного, в общем, но надо считать, чтобы эта территория могла бы дать городу с экономической точки зрения, и проект Фостера, которые на этой территории был, я, например, рассматривал с точки зрения налога на землю, который мог бы давать этот проект, в городской бюджет, который мог бы тратиться на пенсии, здравоохранение, образование. Мы это обычно вообще в городах не рассматриваем, вообще города у нас такие постсоветские, куда президент, или, не знаю, ЦК КПСС или еще кто-то, дают деньги, и мы их как бы тратим, как бы

советуясь с жителями. Ну это уже совсем другой вопрос, я, в целом, наверное, закончил свое первое выступление, если позволите.

Б.Г.: Спасибо огромное, Илья. Очень важная тема обсуждения и экспертного и публичного. Я тоже хотел об этом сказать, но забыл. И прежде чем, если мы идем по порядку, Сергею передать слово, вот еще какая вещь. Конечно, если смотреть на Москву в сравнении с другими крупными городами, ей явно не хватает парка в центре города, да? Но не хватает каких парков? Если сравнивать с крупными городами, то не хватает парков, где можно вести себя свободно и, так сказать, спонтанно, там, валяться на газоне, пить пиво, обниматься с девушками. А парк Зарядье не вписывается явно в категорию таких парков... Всякие там холмы, где люди любят лежать на солнышке и книги читать и прочее. В такое он, вроде бы, не особо вписывается, только ходить и смотреть...

Г.Р.: Вообще опыт показывает, что обниматься можно практически в любом месте.
[смех]

Тимур Башкаев (далее – Т.Б.): вписывается прекрасно...

Б.Г.: Окей, Сергей Медведев, политолог, журналист, профессор Высшей школы экономики.

Сергей Медведев (далее – С.М.): Можно мы не будем вставать? Коллективная просьба...

Б.Г.: А просто не все... Вас не видно может...

И.З.: То есть Вы нам не повелитель...

Г.Р.: Вообще это очень величественно...

Б.Г.: Вас плохо будет видно...

И.З.: Вы как всегда...

[смех]

С.М.: Ну ладно, давайте, если стоя... Не-не, ну, давайте... Ну что я хотел сказать, я хочу рассмотреть этот проект не с точки зрения его урбанистики, не соответствия, так сказать, канонам градостроительства, не с точки зрения его эстетики, даже не с точки зрения его прагматики, для меня здесь важнее всего философия, еще даже экология этого проекта, потому что я его считаю принципиально анти-экологичным, особенно учитывая, что он заявляется как некий, так сказать, экологический жест, вот мы вам привезли разные ландшафты, вот посмотрите, как живет наша большая страна. Но для меня это сугубо логика колониализма, это такой модернистский аттракцион. Вещь, которая совершенно не вписана ни в исторический ни в культурный ни в природный ландшафт нашей 55-ой параллели. Понимаете, это как зоопарк примерно, вот идешь по Красной Пресне и думаешь, что на Красной Пресне делает слон. Или вот, скажем даже, в цирке на Цветном, вот только вчера проезжал, человек купил квартиру там, на Цветном бульваре, и вот дом, поставленный на Цветном бульваре, его, оказывается, цирк строил. Он говорит, купили там какую-то элитную квартиру, и оказывается, что окна выходят на слоновник, с соответствующим запахом. Квартиру он очень быстро продал. Ну вот, и встает вопрос: а что слон делает на Цветном бульваре? Что слон делает на Красной Пресне? Это такие абсолютно модернистские аттракционы из эпохи зверинцев, человеческих зверинцев. Тоже самое хочу спросить, что делает тундровая растительность в окрестностях Кремля? Если человек хочет знакомиться с тундрой, он едет в тундру. Он берет отпуск, он сплавляется по

Енисею, ходит по плато Путорана, или смотрит очень хороший фильм Discovery Channel об этом. А тундру в Москву везти не надо, и оленя в Москву везти не надо, понимаете, и вот это для меня, проявление типичной... ну тут два, с одной стороны, это такой модернистский аттракцион, вот эта вся этика кунсткамеры, с другой стороны, это **разновидность такой российской внутренней колонизации** как изнасилование природы. И вот здесь происходит точно такое же изнасилование природы. Изначально же вообще, как я понимаю, проект был вообще накрыть это всё стеклянным колпаком и устроить совершенно разные... я не помню всю точную эволюцию проекта, но...

Т.Б.: не было такого.

С.М.: Не было такого? И первоначально я читал, что там еще должны были быть болота, на ранней стадии...

Т.Б.: Болота – это не стеклянный купол...

С.М.: На ранних стадиях...

Т.Б.: не было такого.

Г.Р.: Многие болота бывают без стеклянных куполов...

[смех]

С.М.: Хорошо, можете считать, что мне это приснилось...

Т.Б.: Я расскажу генезис как родились купола...

С.М.: Хорошо, не было так не было. В любом случае, тундра не эндемична для наших широт, собственно, для Москвы и Подмосковья. И это главный мой упрек ко всему этому, и, мне кажется, что варварство, вот это вот расхищение всех этих растений, оно идет именно отсюда, люди потому что когда приходят, они даже не воспринимают это как парк, а воспринимают это как развлекуху. Вот, знаете, в торговых центрах иногда делают такие зимние сады, а еще в некоторых зверинцы ставят, не знаю, сейчас он там остался ли, в торговом центре «Рио» был зверинец. Вот это примерно то же самое, что зверинец в торговом центре «Рио» на МКАД-е. Та же самая вещь, тот же самый аттракцион, импорт внешних смыслов, и, соответственно, чужие ландшафты, чужие смыслы, это, в каком-то смысле, вариант Манежки, так называемой. Ненавижу это слово, но его называют «Манежка». Вот, тоже, понимаете, была площадь, вписанная в историю места, в некое пространство власти, где собирались демонстрации, где шли полки, где было вот это вот огромное каре выстроено, а вместо этого пришел Церетели и заставили это всё такими бронзулетками и куполами, и появилась соответствующая публика, завелась на Манежке. Человек в здравом уме и трезвой памяти на Манежную площадь не пойдет. И вот, понимаете, какое пространство построили, так себя люди и ведут. Точно так же, этот феномен массового варварства после открытия Зарядья, он определяется тем, что это люди вообще не воспринимают природу в сочетании с этими пикселями вот этой вот шестигранной плитки. Это что такое? Это не имеет отношения ни к природе, ни к цивилизации. Это какой-то межовощный проект, который, собственно, ведет к соответствующему поведению людей.

Вы знаете, у меня под окнами тоже самое предполагается сделать. Я живу в Крылатском, прекрасный парк у нас под окнами, «Крылатские холмы», крупнейшая овражно-балочная система, как я знаю, на всей Центральной Русской равнине. И что там сейчас предлагается строить? Там предлагается строить «Этномир». Это, значит, берется вот этот парк со своими уникальными растениями, у нас там зайцы,

у нас там лисы, там будут положены дорожки, вымощены, там будет поставлено 600 фонарей, там будет поставлено где-то, по-моему, 200 скамеек, и там будут павильоны, там будет белорусский павильон, там будет молдавский павильон, там будет чукотский павильон, там будут песни и пляски народов СССР, это все делает концепция парка в Калужской области «Этномир», который сделан. Вот это то же самое, понимаете. Существует уникальный природный объект, а туда привезут внешние смыслы, и говорят «вот вам аттракцион», это отношение к людям как к каким-то детям, которым нужно постоянно совать леденцы, которые не умеют ценить собственное пространство. Это одна из главных проблем, вообще, России, мы не умеем ценить собственное пространство и понимать из чего оно состоит и извлекать из него собственные смыслы, между тем как в Зарядье были фантастические собственные смыслы, это только в последние 100 лет Зарядье было градостроительной катастрофой, до этого это был уникальный совершенно московский район, это был спуск от огромного торгового района, который спускался к набережной Москвы-реки, посмотрите любые гравюры 17, 18, 19 веков, Москва-река судоходная, туда пристают лодки, туда пристают баржи какие-то, там был очень интересный этнический квартал, там были еврейские кварталы, там были две синагоги целые, там были мусульманские кварталы и лютеранские кварталы. Почему это всё надо было погрести и сделать совершенно маленький ублюдочный музей архитектуры? ... не архитектуры, а археологии. Почему это было не подать не презентовать? Это, одно, как сказать, что потеряли, вписанность его в исторический ландшафт. И второе – это в природу. Понимаете, у нас есть парки, у нас прекрасно растут липы, у нас прекрасно растут тополя, у нас прекрасно в Москве уже много сотен лет высаживаются определенные деревья, и составляют определенный ансамбль парка. Почему у Кремля я должен видеть этот аттракцион? Около Букингемского дворца я вижу прекрасный совершенно Гайд парк с вековыми платанами, которые вошли в энциклопедию, я вижу прекрасный Сейнт Джеймс парк с нормальной и совершенно эндемичной для Лондона флорой. Почему нельзя было сделать либо какой-то историко-археологический музей, или, может быть, даже двухуровнево это реализовать, а с другой стороны, о чем говорили, сделать нормальный человеческий парк по типу Сент Джеймса в Лондоне с маленьким прудиком с дорожками, усыпанными гравием, с нормальными человеческими деревьями. Посадите маленькие, они подрастут. Почему нужно сажать тундровые березки? Здесь две вещи для меня считаются: это вот логика постмодерна, логика такой иконической архитектуры, логика такого символизма, опять-таки, этот вот мост, который не имеет функций, кроме того, как делать селфи на фоне Кремля, такой русский жанр селфи на фоне Кремля, который так любят в соцсетях. Почему-то 90% российских девушек делают фотографии с одной из кремлёвских башен, я думаю, что вот Зарядье – это вот одна из вещей для делания селфи на фоне Кремля, это первая номинация у селфи – на фоне Кремля, вторая номинация – на фоне яхты. Вот эта вот бессмысленность этого моста ещё раз подчеркивает абсолютную символичность этого моста, этого парка, невписанность его ни в культурный ландшафт, ни в исторический ландшафт, ни в природный ландшафт. И вот это моя проблема с парком Зарядье, и, мне кажется, это во многом объясняет отношение первого посетителя и того, как всё расхищено. Спасибо.

Б.Г.: Спасибо огромное, Сергей. Это, наверное, квинтэссенция политического отношения к этому проекту, и самое главное, что хочется, чтобы осталось в мыслях, про абсолютнейшее неумение работать с теми смыслами, которые уже в это пространство заложены с его историей, с естественными для него органичными формами. Николай Малинин, архитектор, куратор archi.ru

Николай Малинин (далее – Н.М.): Тут Сергей так замечательно зажег, что Тимура можно уже бросать в бой...

[смех]

Н.М.: Но с другой стороны, раз уж решили выступать по очереди, то по очереди, хотя я сейчас сознательно немного снижу градус накала этой страсти. Я, собственно, очень удивился, когда меня позвали сюда выступить, потому что позвали меня сказать про гостиницу «Россия». Гостиницу «Россия» никто никогда не любил, её снесли, все её уже забыли...

И.З.: Мне нравилась.

Н.М.: И я думаю, среди нас есть половина, которую даже её не застали. Поэтому, казалось бы, что и зачем про нее говорить, когда здесь теперь такой вот парк. Тем не менее, надо сказать, вызов для меня прозвучал не в приглашении Михала, а еще раньше, в октябре, когда на экраны вышел телесериал «Гостиница Россия». Гостиница «Россия» в нем показана как царство проституции, блата, в общем, всего чего только можно ужасного, просто как такой абсолютнейший гадюшник, который просто надо было снести. Я смотрю сериал, и меня не покидает ощущение наличия определенного заказа, и даже странно, что этот сериал как-то вышел с опозданием, не успел к открытию парка Зарядье. Может быть было очень логично, чтобы москвичи лишний раз посмотрели и убедились, как правильно сделали, что снесли этот кошмар, эту ужасную гостиницу, в которой столько всего чудовищного происходило. Смотрел я этот сериал, переполнялся каким-то возмущением по поводу одномерности и однозначности той истории, которая показана, но я не буду излагать каких-то пафосных слов про прекрасные истории и людей, которые там жили и открывали для себя Москву, Россию, я только такую маленькую цитату приведу из кинофильма «Мимино». Цитата такая, ну, собственно, фильм снимался в гостинице Россия и ее как никто другой прославил: «Валик-джан, когда я умру и апостол Пётр спросит меня: «Куда ты хочешь, Хачикян?», я скажу: «Никуда не хочу. Посели меня гостиница «Россия». Западный корпус. Любой этаж...».

И.З.: Это реально было в кино?

Н.М.: Ты молодец. Потому что эта фраза в фильм не вошла, но она есть в сценарии, я ее не придумал.

[смех]

Т.Б.: Во второй версии...

Н.М.: Что мне в этом фильме естественно не понравилось, это одномерность и расставание с прошлым таким фальшивым образом и мне хотелось бы сказать, что у меня есть 3 основных мифа, которых я бы хотел коротко развенчать, если я успею. Мифы, в общем, которые в интернете активно живут. Первый о том, что эта ужасная гостиница была построена исключительно для делегатов партийных съездов, потому что вот в Кремле построен Дворец съездов и вот такого же размера та самая гостиница. И это есть почти во всех текстах в интернете и в прессе. На самом деле, первый проект гостиницы «Россия» был опубликован в 1957 году, в этот момент

еще нет никакого Дворца съездов, более того, местом для партийных сборищ предполагается Дворец советов, который на тот момент уже проектируется не там, где он проектировался при Сталине на месте храмов, а на Ленинских горах, вообще-то довольно далеко от этого места, от центра. И гостиница, на первом эскизе, который в 1957 году опубликован, уже такая же примерно по форме, такая же по объему, но в этот момент еще нет Дворца съездов, он появляется только через 2 года, когда Хрущев решает отменить идею Дворца советов и стремительно возводит его в Кремле. Тогда уже всё потихоньку начинает складываться, другое дело, что на судьбоносном 20-ом съезде делегатов было всего 1400 человек, а в гостинице 5000 мест. Поэтому этот тезис, что количество мест в гостинице соответствует количеству мест в Дворце съездов, он, в общем-то, тоже изначально довольно странный. Правда потом это количество делегатов возрастает и действительно доходит до 4800 к 23-ему съезду, но всё действительно подстраивается под эти сложившиеся уже стереотипы, потому что гостиница строится долго, 10 лет с 1957го и открывается в 1967 году. Исходя из того, что я сказал, понятно, что гостиница «Россия» в некотором смысле провоцирует строительство в Кремле Дворца съездов, а не наоборот, она просто была раньше, потом отменив строительство на Ленинских горах, логично строить Дворец в Кремле. Но если эту связь мы явно отменяем, то что же тогда было импульсом для гостиницы «Россия»? И тут ответ лежит на поверхности, потому что 1957 год, и в Москве происходит?

И.З.: Фестиваль студенчества.

Н.М.: Фестиваль молодёжи и студентов, на него приезжают 35000 гостей, такого количества иностранных людей в Москве не было со времен нашествия Наполеона, а в Москве в 1948 году вообще-то только 12 гостиниц, потом конечно строится «Украина», строится «Ленинградская», но там в «Ленинградской» 450 мест, потому что, понятно, что она строится, в первую очередь, как градостроительная доминанта, а не как-то что-то такое насущное. То есть мест в Москве нет, и повод строительства такого большого здания – это, конечно, этот самый фестиваль. То есть, я хочу сказать, развенчивая этот первый тезис, что первый импульс к гостинице был совсем не тот, который мы привычно имеем ввиду, что это всё для партийных съездов. Этими всеми аргументами оперировал Александр Кузьмин, когда нас убеждал, что эту гостиницу надо срочно сносить, потому что это такое расставание с советским прошлым.

Второй миф, конечно, самый важный, по поводу того, что гостиница «Россия», как мы часто встречаем в интернете фразу, «похоронила под собой историческое Зарядье». Вы все прекрасно знаете, что историческое Зарядье начали хоронить гораздо раньше, начали в 20-х, закончили в 40-м, расчищая место под высотное здание.

Т.Б.: В 41-ом.

Н.М.: Поэтому гостиница, на самом деле, не только не похоронила, а наоборот оказалась революцией по отношению к наследию, потому что если посмотреть на все предыдущие проекты в Зарядье, они то как раз совершенно не имели ввиду никакой Варварки, никаких церквей, то есть что там Леонидов проектировал, что Гольц, у всех у них в проектах никаких церквей уже не существует. То есть, на самом деле, нам сейчас кажется варварством, что построили такой гигантский

сундук на этом месте, но на самом деле то, что эти церкви сохранили, при чем они есть еще в самом первом проекте, в том эскизе 1957 года они все присутствуют кроме одного здания. Тут я не буду мифологизировать зря, старого английского двора в том проекте нет, эстакада идет прямо через него, потому что кроме легендарного советского реставратора Барановского никто не знает, что это вообще-то 16 век, потому что это здание занавешено кучей наслоений дальнейших, и ему приходится буквально ночью с каменщиками выложить там белокаменный фриз, сделать там такой новодел, чтобы власть наглядно поняла, что это 16 век.

Т.Б.: Самое старое каменное здание вне Кремля.

Н.М.: Когда эту гостиницу строят, власть вдруг понимает, что с прошлым можно бороться не только его разрушая, не только его уничтожая, а вот таким вот путём мирного сосуществования, ставя просто рядом некий контраст, вот эти вот маленькие смешные церкулечки старенькая, а вот здесь такая большая современная гостиница, чтобы показать, что вот наше настоящее, ну, конечно же, оно гораздо лучше вот этого прошлого, то есть не нужно его ломать, нужно просто поставить рядом.

С.М.: Как на Новом Арбате и на Маросейке

Н.М.: Как раз хотел сказать, на Новом Арбате, и на Маросейке есть такие же сюжеты, и я могу сказать, что лично мне кажется, то есть что этот контраст, когда я сегодня смотрю на эти церкви с Зарядье, вы меня, конечно, извините, но мне кажется, что церкви потеряли, то есть вот этот контраст очень хорошо работал как для гостиницы России, так и для них, это была такая действительно эффектная контрастная стена, которой сегодня нет, и они провалились туда, в эту вот пустоту. И очень важно еще то, что первый массовый протест против ломки старой Москвы происходит именно в этот момент, мы все привычно думаем, что это произошло, когда проложили Новый Арбат, когда интеллигенция начала возмущаться, а на самом деле первое массовое выступление, которое вылилось и в прессу и в круглые столы, это как раз 1961 год, когда все протестуют против строительства гостиницы «Россия». Ну не все, конечно, это московская интеллигенция, художники, писатели, их было не так много, но, тем не менее, это всё появилось на страницах прессы, что раньше себе этого невозможно было представить. Еще важный момент, что нужно понимать, что датировка вот этого отката, начинающего постмодернистскую историю, она гораздо раньше произошла, еще в 1961 году, и как бы она была возможна, то есть можно было выступать против гостиницы «Россия», как сегодня можно выступать против парка Зарядье.

И последний, третий миф, связан с тем, что мы читаем, что гостиница «Россия» - это такой представитель советского модернизма. Я хотел бы тоже его развенчать абсолютно, потому что, действительно, она была построена в то время, в это десятилетие, когда мы можем говорить слово «модернизм» достаточно спокойно, не распространяя его на 80-е, просто представьте себе объекты, которые мы с этим термином ассоциируем. Здесь же, что мы имеем? Вместо свободно поставленного пространства стилобата, каменный сундук, такой каменный квадрат, замкнутый на себе, вместо сплошного остекления или хотя бы ленточного эркера, вместо ножек тяжелый стилобат. Вместо свободной планировки, эти бесконечные коридоры, как в анекдотах говорили, что из некоторых номеров до буфета дальше, чем до Кремля.

То есть, на самом деле, в общем-то, к модернизму это здание имеет очень условное отношение. И тут, конечно, неслучайно, что делал его Дмитрий Чечулин,

Т.Б.: Тот еще модернист...

Н.М.: Сталинский архитектор, тот еще модернист, совершенно верно. Тут самое, наверное, ужасное не то, что я перечислил, а то, что планировка в виде каре, архаическая, совершенно ужасная планировка, которая тоже, понятно откуда возникает. Она то как раз спровоцирована Москвой, потому что Чечулин знает проект Георгия Гольца на этом месте, дома Совком Наркома второго, 40-ой год, там тоже каре. Гольц в свою очередь смотрит на воспитательный дом Бланка, где тоже каре, но там всё-таки это закрытое учреждение, приют для детей, спецучреждение, для которого очень важен внутренний двор именно и не так важна открытость городу, а дальше эта ошибка начинает жить, порождать одна другую и дальше, и возникает эта архаичная планировка в виде каре.

Т.Б.: Фундаменты были сделаны так, что ты говоришь?

Н.М.: Они были гораздо уже. Это, как раз тоже очень важный вопрос, что фундамент под восьмое высотное здание, это только та часть, которую занял концертный зал. А вокруг они уже били сваи новые, чтобы поставить весь этот периметр. Так что это тоже, знаешь, не такая простая тема...

Т.Б.: Ну типология уже была задана карешная.

Н.М.: Кем?

Т.Б.: Ну изначально...

Н.М.: Ну исторически да, но не фундамент, на самом деле, прагматики там за этим не было. Это как раз самое важное.

И.З. (смеется): Если бы там сейчас строили, я боюсь, построили бы каре.

Н.М.: А это к вам, архитекторам, что бы вы могли на этом месте построить.

И.З.: Нет, я просто, сталинская такая тема.

Н.М.: В общем, я заканчиваю, я хотел сказать, что это, конечно, здание, с которым Чечулин просто цинично перешагивает вот эту эпоху модернизма и движется уже в неоклассицизм грядущего застоя, который России, конечно, гораздо больше подходит. Возникли эти эркеры, которые, вообще-то, странная вещь, конечно лабиринт из арт-деко, из сталинского времени... ну он, конечно, еще смотрит через речку и видит такие же стеклянные эркеры у Жолтовского в контексте котельной.

И.З.: Ну круто же все равно. Ты так описываешь...

Н.М.: В общем, я заканчиваю со своими мифами. Буквально, в завершении одна маленькая еще цитата, уже посвященная современным мифам на тему того, кого же первым осенила эта гениальная идея Путина, Собянина или Глазычева. Совсем коротенькая идея, журнал «Архитектура СССР», 1969 год, статья Михаила Бархина: «У многих возникала мысль, что уж если место расчищено, то как великолепно было бы рядом с Кремлем, в самом центре тесного города, сделать парк – зелёный резервуар воздуха, кислорода». Всё, спасибо.

Б.Г.: Николай, а скажите, пожалуйста, собственно, что следует из этого развенчания мифов? Что нужно было бы гостиницу сохранить как памятник советских градостроительных решений? Какая мораль из развенчания мифов следует?

Н.М.: Меня как-то в передачу Сорокиной, посвященную храму Христа Спасителя... я был единственным, кто ругался на храм, напротив меня сидели Пасохин,

батьюшки, и я как-то ругал Храм Христа Спасителя, и Сорокина такая совершенно ошалевшая спрашивает: «Ну а что бы Вы видеть на этом месте?». И я понимаю, что по законам жанра, я должен был сказать, что, конечно, Дворец Советов,

И.З.: Бассейн «Москва»

Н.М.: Но я понимал, что я все-таки должен быть честным. Какой Дворец Советов... Ну не хотел бы я жить в городе, в котором был бы Дворец Советов, ну вот я тогда честно, спустив тормоза, да, бассейн «Москва», действительно... Это я к вопросу о том, что я пытаюсь быть честным, нет, конечно я гостиницу «Россия» никогда не любил, и даже вот в процессе своего про нее думания так и не смог полюбить, я считаю, что рассказал про нее хорошо, но нет, наверное, все-таки я против...

И.З.: Принял бы решение снести? Ну так, советовал бы?

Н.М.: Нет, ну, на самом деле, конечно, нет. На самом деле, я бы оставил её (гостиницу)

И.З.: она же хорошая...

Н.М.: В нашем городе, гостиниц как не хватало, так и не хватает, тем более недорогих. Дорогих гостиниц много, а вот жить людям небогатым негде, а так бы была бы прекрасная гостиница, дешевая, в самом центре, такой памятник тому странному времени, странному дивному новому миру, в котором было место такой вот непозволительной роскоши. Я бы, конечно, ее оставил, на самом деле, но меня не спрашивали. Не знаю, Борис, я, честно говоря, просто вот вижу сколько мифов возникает вокруг парка Зарядье и я, как историк архитектуры, решил своим долгом какие-то мифы, связанные с предыдущим этапом, немножко поразбирать, я надеялся, что вывод сделается...

Б.Г.: Григорий Ревзин, историк архитектуры, профессор Высшей школы урбанистики, партнер КБ Стрелка.

Г.Р.: Мы тут с Колей договорились, что каждый будет говорить...

Т.Б.: О своем...

Г.Р.: Да, говорить, кто что думает, а не то, кто что думает о других.

[смех]

Г.Р.: Поэтому я попытаюсь сказать о каких-то ценностях парка, даже о профессиональных ценностях. Понимаете, мы страна очень провинциальная в смысле садово-паркового искусства. Здесь последний парк до этого делался пятьдесят лет назад. Надо понимать, что у нас эта традиция делания парка и вообще языка парка абсолютно потеряна. Нет профессионалов, которые умеют это делать, и вообще в курсе того, что происходит в мире и что на эту тему придумать. Мы не просто потеряли традицию парка, мы ее потеряли в довольно определенное время, а именно в начале того сладкого периода, о котором нам сейчас так спел Коля. Если считать, что в раю находится не Небесный Иерусалим, не какое-то строение, а райский сад, то вот, соответственно, гостиница «Москва», а вот это вот парк. Какой парк имеется в виду в 60-е годы? Имеется в виду, что люди много трудятся на заводе, и потом уходят отдыхать на природу, то есть парк – это кусок леса в городе. В нем ничего нет, это вот просто как лес получился, и через эту призму воспринимается как бы вся природа и весь парк. Что такое парк? Это какое-нибудь озерцо, вот какое-нибудь дерево, которое там давно растет. Это и есть садово-парковое искусство. Вообще то, что мыслится так, что мы пришли к этому в стране где был Павловск - великая садово-парковая традиция, довольно трудно.

Тем не менее, пришли к этому: вот болотце, вот этот лесок, кустики, и в нем действительно можно с девушкой пообниматься, можно как то выпить, да и вообще отдохнуть на природе. Вот, что нам нужно от парка. И этот парк кончился давным-давно, 50 лет назад, больше такое не носят. Это полный отстой, вот прям совсем! И, конечно, можно сказать, да нам пофиг, отстой, так отстой. А мы по прежнему любим, чтоб мы спустились из подъезда своего, и у меня вот там лужок, и вот ещё один лужок, а между ними кустик, я там с девушками обнимаюсь. Супер! Отлично! Но это всё-таки столичная штука, которая стоит просто в самом центре, ну неудобно пока что этот лох в самом центре Москвы, ну неприлично.

Теперь, что дальше происходило с парком? Главное, что здесь произошло, это большой экологический вывод про то, что природа в городе в чистом виде существовать не может, она в немдохнет. Вы не можете оставить в центре города просто лес, он превращается в довольно большие высокие деревья и помойку вместо подлеска, где валяются старые запорожцы, кровати и вот это всё. У нас все города-миллионники заполнены такими парками. Природа в городе - это не кусок леса. Парк, дерево - это особый вид горожанина, за ним надо ухаживать, социально обеспечивать как пенсионеров, надо его окапывать, убирать и так далее. Это такое живое, ну «pet» (Т.Б. подсказывает - питомец). Питомец, да. Поэтому, это само по себе искусственное образование - инсталляция. Вернее, инсталляция - это способ художественного экспонирования вот этого обстоятельства. То есть, что природа - это искусственная вещь, «creation» такой. Вот Бог создал всякие там деревья, и мы принесли их сюда на выставку, если мы их просто оставим, они там сдохнут, надо ухаживать. Это произошло во всех крупных парках во всем мире. Конечно, там, где существуют, тот же Сэнт Джеймс парк, и всякие такие парки, надо учитывать только, что это королевские имения и дубы там выросли 300 лет назад, нельзя их сходу так насадить...

Т.Б.: И площадь большая...

Г.Р.: И площадь большая, по Лондону, кстати, можно пройти почти весь город по парку. Через все 45 километров ты можешь идти по парку, сейчас тоже самое сделали в Сингапуре. Тогда это музей, как Павловск, то есть ты поддерживаешь этот парк. Если ты делаешь новый парк, то делаешь это как инсталляцию. Посмотрите на Марина бэй в Сингапуре, посмотрите на Хай лайн в Нью-Йорке, на Бастилию в Париже, носят вот так вот сейчас. Природа представляется как некое произведение современного искусства, аналогичное «ready-made», как вы нашли что-то и принесли в галерею, точно так же вы высаживаете деревья.

Дальше вопрос в художественном уровне, на котором ты можешь передать эту идею. В Хай лайне, например, это все инсталлировано, поднято вверх, и стоит на постаменте, по сути, в виде этой платформы. Что сделано здесь? Основной здесь ход - это упаковка. Если вы представляете себе что делал Кристо Ярышев, когда упаковывал острова там, или Лувр, вот этот вот холм укрытый стеклом, как раз в этом стекле нет никакого смысла кроме того, чтобы показать, что это инсталляция, это музейный экспонат, это чудо! Чудо, что здесь растет трава, чудо, что здесь растет, эта самая тундра.

Я понимаю, что чувство порядка, ощущение, что где родился, там и расти, оно должно как бы возмущаться в этот момент, чудеса возмущают. Хотелось бы, если трава здесь растет, пусть она здесь и растет. Знаете, вот мы насчет слона там, в

1492 году псковские послы пришли сюда, в Москву, и попросили, чтобы у них был свой епископ, собственный. А им вместо этого Иван III сказал, что епископа пока не могу, но дарю вам своего любимого верблюда. И они с этим верблюдом пошли в Псков. И, казалось бы, нафига им в Пскове верблюд? Но так бывает, люди обмениваются. [смех из зала]

Мы как бы живем, не то, чтобы каждый, где родился, там и умер. Мало того, если ты находишься в центре мирового города, то обмен довольно интенсивный, но так вышло.

Поэтому, на само деле, этот момент аттракциона у нас довольно скромный, честно сказать, вы посмотрели бы что там в Сингапуре то творится? Там же просто фильм «Аватар», вот такие там деревья, но, конечно, момент чуда, момент того, что все растения, которые здесь, это точно так же, как на Красной площади приводили верблюда, слона и чего только там не происходило на все праздники все 500 лет, да тут у нас шествие на осле происходило, а этот храм называется Иерусалим, хотя где Иерусалим, а где мы, пускай бы назывался красный.

Вот этот момент инсталляции чудес, который вместе с тем и есть русская природа, здесь сделан замечательно в смысле дизайна! Замечательно! И мост этот. Как это работает, как, собственно, природа. Конечно можно прийти и посмотреть на траву, которая выставлена как экспонат, но смысл не только в том, что вы, что называется, превращаете траву в произведение искусства, работает в обратную сторону тоже, потому что когда вы видите Кремль, когда вы видите Собор на фоне этой травы, на фоне этих березок, то вы их остраиваете, вы получаете абсолютно новый взгляд на весь этот центр Москвы! И это потрясающе! В каком-то смысле, да, как Коля нам рассказывал, как вот все эти церкви являются произведениями гостиницы «Россия», потому что они были расчищены, они были использованы как экспонаты на фоне этой модернистской стены. Ну, хорошо, пускай не подлинно модернистской, но немножко всё-таки похожей. Теперь вы ровно то же самое имеете на фоне природы. И, надо сказать, это потрясающий взгляд. В каком-то смысле он очень такой подлинный. Это просто... Вообще все эти церкви... Не эти буквально, а русские церкви довольно часто стоят в природе, ну так вышло, прям в русской. И, надо сказать, когда я вот увидел первый раз Покров на рву через березы, мне показалось, что да, это вид новой открытки, визитной карточки Москвы. Это, ммм, очень по-русски и это изобретено. Это картинка. «Мост для селфи», как его назвали, он вообще то не для селфи. Я не знаю, может, конечно, девушки, как вы их осуждаете, Сергей, этих девушек, которые там снимаются, действительно, противное зрелище. [смех из зала] Но вообще-то оно не за этим там построено, оно для того, чтобы посмотреть на этот город с этой точки.

Т.Б.: С новой точки, конечно...

Г.Р.: Это потрясающий вид! Потому что вы парите над этой самой рекой и вдруг обнаруживаете, как много здесь места, вы вдруг видите весь этот Кремль. Эта та точка зрения, которой раньше в городе не было, и она появилась. И вот в этом смысле что-то все профессиональные ценности свелись к панорамам, которые испортились, при чем эти панорамы возникают ровно в тот момент, когда их испортили. То есть раньше никому не приходило в голову залезть под холм и через эту стройку как-то увидеть одновременно под гостиницей «Россия» вот эти прекрасные церкви, ну не было такого, да, не было такого вида...

Т.Б.: Никогда не было, этого вида никогда не было... Китайгородская стена на откосе... Правильно...

Г.Р.: Перекрыли панорамы, вот как только перекроют, так сразу... Это, конечно, ну такая... специальный жест, как бы сказать, присвоения, когда сделано действие, обратили ваше внимание - перекрыто, на самом деле создали потрясающую точку зрения на весь этот центр Москвы. В общем, выключаю свою речь. Хочу сказать, это гениальный парк, это лучшее произведение архитектуры, которое здесь были создано за последние 10 лет, это потрясающая штука, которая полностью трансформировала центр Москвы. Спасибо.

Б.Г.: Ольга Вендина, геоурбанист, политический географ, сотрудник Института географии РАН.

Ольга Вендина (далее –О.В.): После такой блистательной речи я буду выглядеть скучно, но, на самом деле, мне повезло выступить следом за Григорием Ревзиным, но в начале я хочу ответить на два Ваших вопроса (обращаясь к Б.Г.). Один про мораль, который был задан Вам (обращаясь к Н.М.), потому что, мне кажется, что мораль очевидна. Здесь, как обычно принято апеллировать А.С.Пушкину как нашему всему, который написав свое «Путешествие из Москвы в Петербург» как антитезу путешествия Радищева из Петербурга в Москву, писал о том, что открывая, вот он сейчас отобедал, открывая книжку Радищева и вновь будет читать эти горькие полуистины. Так вот, это как раз вопрос о восхищении блистательностью парка, и о том, о чем говорил Сергей Медведев, как о жесте такого российского внутреннего колониализма. И поэтому, как раз, вот, наверное, мораль Вашего выступления сводилась к тому, что у всего есть вторая сторона, и, в общем-то, всем нам не стоит об этом забывать и я бы хотела поговорить об этой второй стороне. И вторая сторона, потому что прозвучал еще один вопрос Ваш об участии и о ценности участия, я с молодых ногтей выросла на том, что Москва – город в общем-то авторитарный, все решения принимаются авторитарно, и главное, чего нам не хватает, это демократия участия, широкого обсуждения с населением, с людьми, что именно они хотят, и, вот, в соответствии с их представлениями, необходимо что-то такое реализовывать. В общем, нужно сказать, что эта идея, она неплохо работала вплоть, наверное, до 80-ых годов прошлого века. Когда оказалось, что всё это неплохо работает, когда существует большинство и когда срабатывает сам механизм демократии. И при том, это не просто большинство, это большинство представляет некий средний класс со своим устойчивым стандартом, если хотите, со своим конформизмом восприятия окружающей действительности и с возможностью транслировать другим свои представления и при этом этими другими они воспринимаются с доверием и уважением. В современной ситуации, когда у нас большинства нет, когда у нас нет социальной группы населения, мнение которой с полным доверием воспринимается всеми остальными, демократия участия вырождается в соперничество различных активистов, каждый из которых защищает свою точку зрения, при чем каждая из этих групп активистов представляет некую группу населения. И в итоге возникает вопрос: а может ли вообще демократическая программа развития города быть реализована авторитарными средствами? Потому что, оказывается, что вот этот самый авторитарный представитель, в роли которого у нас сегодня выступает московская власть, реализует эту самую

демократическую программу. Что такое парк? Что такое благоустройство? Это создание публичных пространств Москвы. И здесь вот возникает вопрос как раз о московской идентичности, то, ради чего меня, в общем-то, сюда и позвали высказать своё мнение.

В какой мере все эти проекты отвечают идентичности людей? Мы, во-первых, должны понимать, что людей, родившихся в Москве, живет в городе меньше половины. Это с учетом москвичей в первом поколении, а людей, которые второе поколение москвичи – это четверть, а третье поколение – это 3 %. Да, Вы хотели что-то сказать? (обращаясь к человеку из зала)

Из зала: Я про то, что я 3%. Спасибо.

[смех]

О.В.: Да, третье поколение. Вопрос о том, что такое московская идентичность, почему мы её связываем с наследием. Да, безусловно, это очень важный вопрос. Но, когда проводятся социологические опросы, то оказывается, что главная идентичность для московского населения - не московская, а российская, в том числе за счет того, что здесь проживает огромное количество людей, приехавших из других регионов страны, и для них наличие такого объекта, который репрезентирует всю страну, оно принципиально важно. Меня, конечно, очень задело выступление касательно внутреннего колониализма (обращаясь к С.М.), я как раз считаю, что создание парка это абсолютно противоположный жест, потому что это как бы столица принимает в себя страну и репрезентирует её для всей страны. И при этом это происходит на уровне обыденного сознания и повседневной жизни, и люди узнают себя здесь, и приходя сюда, перестают себя чувствовать чужим в городе, потому что здесь есть кусочек и их жизни тоже. Не это ли путь к формированию идентичности?

Второй важный момент, вот Григорий об этом сказал, это невероятная любовь городского населения к деревьям. Если спросить человека в технологиях демократии участия, партисипаторного городского планирования, чего вам не хватает и как они представляют город, они тут же скажут, что «нам не хватает деревьев, нам нужны парки, нам нужна зелень, свежий воздух» и т.д. Это можно интерпретировать, конечно, как такой антиурбанизм, наличие лесников, которые оказались городскими жителями и при этом не тоскуют ни о чем другом, как о своём родном лесе.

Можно проинтерпретировать по-другому, как чисто городскую потребность, потому что это единственное место, где человек может чувствовать себя свободным и от многочисленных обязательств и, в общем-то, внешнего контроля в том числе. То есть, это пространство независимости и пространство свободы. В этом смысле здесь чрезвычайно важно, что создается искусственная среда, которая эту свободу подчеркивает. А когда такое пространство свободы возникает рядом с сакральными пространствами власти и закрытости, то это означает только одно – десакрализацию власти, хотим мы этого, или не хотим этого, но доступность власти в сознании людей, когда она ходит в такой близости совмещения совершенно разных функций, работает на формирование гражданского сознания. Это как раз тот эффект городского пространства, о котором раньше много говорили, но это рассматривалось как бы что ли в духе социальной инженерии, когда с помощью

организации пространства, не важно, городского или не городского, можно формировать поведение людей, можно формировать их представления...

Из зала: А заборы убрали?

Т.Б.: Да, убрали.

О.В.: Независимо от забора, заборы у нас стоять, конечно, могут стоять вечно. Вы что подразумеваете под заборами? Или Кремлевскую стену?

[смех]

О.В.: Этот забор вряд ли уберут и он останется на своем месте.

Т.Б.: Это будет следующий проект...

О.В.: Ну, и наверное, последнее, пожалуй, что важно сказать, чем важен этот парк как публичное пространство, он важен, поскольку это путь преодоления маргинальности московского населения, поскольку пространство открытое и доступное, а это значит это пространство интеграции в эту московскую среду детей...

Т.Б.: Стариков...

О.В.: Старики – они не маргиналы, они социально незащищенные, а вот молодёжь, уже не дети, но еще не взрослые – это очень сложный маргинальный слой населения, который создает серьезнейшие проблемы, поэтому создание пространства коммуникации чрезвычайно важно. Мигранты, которые приходят сюда могут немножко согреть чувство своего собственного достоинства, которое нарушено во всех остальных сферах жизни, потому что это доступно, это сделано для всех, значит, в том числе и для них. И поэтому, мне кажется, что как раз не с точки зрения соответствия московской идентичности, а с точки зрения её формирования, создание такого объекта, как парк Зарядье, чрезвычайно важно.

Б.Г.: Спасибо, Ольга. Тут какая-то аналогия возникает с выставкой достижений народного хозяйства, когда каждый павильон символизирует одну из союзных республик. Приехал ты из Ташкента в Москву и идешь в родной павильон, да?

О.В.: Нет, ну, конечно, столица должна репрезентировать страну, на то она и столица, а тем более столица такой огромной и разнообразной страны. Функции репрезентации страны, я считаю, на ВДНХ были решены блистательно. До этого они были там в парке Горького, сейчас Ваш «Этномир», о котором Вы говорили (обращаясь к С.М.), выполняет те же функции, поскольку Москва сегодня репрезентирует не только Россию, но и постсоветское и постимперское пространство, если хотите, и поскольку людей с этого постимперского пространства здесь 2 миллиона в городе, то наличие такого пространства тоже чрезвычайно важно, прежде всего, с точки зрения их интеграции в городскую жизнь.

С.М.: Есть Поклонка, там мечеть, там синагога. Вот, храмы разные стоят.

О.В.: Это разные вещи. Это тоже необходимо. Мечетей в Москве точно не хватает.

С.М.: Буддийский храм можно поставить, пагоду там, еще веселее будет...

Т.Б.: Буддийский храм скоро будет стоять на Поклонной горе.

С.М.: Нет, там, в Зарядье...

О.В.: Но у Зарядья другие задачи...

Б.Г.: Спасибо. Антон Кальгаев, культуролог, куратор.

Антон Кальгаев (далее – А.К.): Да, Кальгаев моя фамилия. Так получилось, в общем, что я очень давно как-то думаю об этом проекте, что я как-то настолько много думал о нем, что у меня получилась какая-то такая мысль, которая совсем,

казалось бы, отъехавшая, но вот после выступления Ольги Вендиной, мне кажется, я еще смогу вписаться в эту дискуссию. Я, когда вообще-то проект Зарядья начинался, я работал в институте Стрелка, но я над ним не работал, я был свидетелем того, как происходил этот конкурс. Эти эксперты, эти брифы писали, все такое... Потом, года 2 назад меня пригласили Citymakers сделать социокультурную концепцию парка Зарядье, то есть как бы придумывать как его можно было бы обжить. Нас пригласили, мы ходили, посоветовались, кое-что придумали, потом от наших услуг решили отказаться, а потом еще раз позвали. Спустя год, когда парк был уже практически достроен, менять мы уже ничего не могли, и вот шизофреническое состояние, когда ты придумываешь как парк будет жить после того, как он будет достроен, в тот момент, когда он еще не достроен, но менять ничего ты тоже не можешь, поэтому я всё это время как-то имел дело с какими-то с проектными решениями, с дизайном, и очень много с фразеологией и языком, который вокруг этого парка возникал. И, мне показалось, что стоит поговорить именно об этом, о том, как этот парк так идеально и даже немного страшно этот парк вписывается в существующее состояние русской культуры и даже русского языка, если так можно сказать. Всё может быть казаться немного наивным, но когда ты имеешь дело с текстами, как-то все равно это начинает обретать какие-то материальные формы. Условно говоря, современный русский язык можно наивно разделить на три наивные стадии. Первая стадия уже хорошо осмыслена даже эстрадно, это стадия как бы». Когда в 90-х было засилие этого «как бы», я вот в школе учился, и у нас с ним активно боролись в школе, его нельзя было употреблять, хотя ничего страшного в этом нет, и это интерпретировалось как какая-то тотальная неуверенность в народной массе по поводу того, что происходило в 90-х. В 2000-е годы с приходом тех, кто до сих пор не уходит, наступила такая эпоха, которую можно назвать «на самом деле». И все стали говорить «на самом деле, на самом деле».

[смех]

А.К.: Я не встречал никаких точных интерпретаций того, почему так стало популярно это выражение, но, наверное, действительно как-то что-то прояснилось. Сейчас, с годов так 2012 или 10го наступила какая то странная эпоха, которую я вот постоянно фиксирую, с которой я вот постоянно борюсь и пытаюсь как-то осмыслить, что это за такое выражение. Я бы назвал эту эпоху «не только, но и». Когда какое-то перечисление превращается в перечисление в стиле «не только, ... , но и». Например, не только хорошо, но и плохо.

Т.Б.: Не только вредно, но и полезно...

[смех]

А.К.: Это как бы такое дополнение, которое слегка противоречит предыдущему утверждению, но при этом его усиливает.

[смех]

А.К.: Читая и анализируя, я даже с утра сегодня перечитал 3 документа, это приглашение к участию в конкурсе, потом конкурсное задание и, собственно, предложение диллеров, с чем они выиграли, проект-победитель. Там немного текста, но, все равно, труд был проделан. Я выписал оттуда те выражения, которые, как мне кажется, манифестируют встраиваемость Зарядья в эпоху «не только, но и».

Во-первых, приглашение к участию в конкурсе, оно уже сразу, как-то с первых страниц манифестирует то, что приглашают на место отсутствия, это такое отсутствие гостиницы «Россия», то есть его строят не вместо гостиницы «Россия», а на месте её отсутствия, хотя и больше про это место сказать толком то и нельзя, при этом чуть ли не на второй странице заявляется такая странная фраза, что это «центр притяжения» и «зона отчуждения».

[смех]

А.К.: Прямо так и написано, это цитата, то есть «это не только центр притяжения, но и зона отчуждения».

[смех]

А.К.: Чего требуется от конкурсантов? «Новый взгляд на старую Москву».

[смех]

А.К.: Такая новая история старого города. Написано также, что «ландшафт – это главная достопримечательность парка», более непротиворечивая вещь, но все равно какая-то странная. Что значит ландшафт - достопримечательность? Парка при этом. Другая фраза это «зеленая альтернатива Красной площади».

[громкий смех]

А.К.: То есть это то, что с чем конкурсанты имели дело. Там была также в ТЗ, в брифе, была такая фраза, которая потом трансформировалась, понятное дело, и то, с чем мы имеем дело, она прямо транслирует, это «этноботанический сад». Что это вообще значит? Вообще непонятно.

Из зала: Это и реализовано. Это и вышло.

А.К.: И в конце было утверждение: «мы не переделываем, мы создаём», при этом, очевидно, что здесь не противопоставление, здесь именно «мы не только переделываем, но и создаём», вот, что имеется в виду. И, конечно же, те, кто победил, консорциум, Citymakers, Diller Scofidio они, как бы, победили с подобными формулировками. Они сказали: «у нас, как бы, концепция природного урбанизма». У нас и природа, как бы, и урбанизм, и то, о чем Григорий Исаакович говорил, как природа в городе сейчас, да? При этом то, что они имели в виду?

Михал Муравски (далее – М.М.): Это как бы перевод, что «wild urbanism» не «дикий урбанизм» ...

А.К.: Это самое интересное, потому что по-английски это звучит как “wild urbanism”, как дикий урбанизм, но это такой природный урбанизм. Перевели уже как бы русские люди, которые контролировали вот это всё.

[смех]

Т.Б.: с ними советовались, ну ладно...

А.К.: При это имелось ввиду в этот момент, что это смычка России и Москвы. Природный урбанизм символизировал вот эту смычку. Потом авторы заявляли, что у них отсутствует строение, ничего не строим, а дальше описывается как будут строить. Упоминается отсутствие троп, потом идет через запятую, что вообще-то тропинки параметрические. «Стеклянная кора» тоже очень странное, она как бы кора, которая как бы из стекла, тоже очень странно. А этноботанический сад трансформируется в понятие «национальный ландшафт, что как бы не противоречивое, но в этом мире «не только, но и» оно начинает обретать какие-то странные выражения.

Имея дело с этим, сочиняя социокультурную концепцию, которая не то чтобы реализована, стоит отметить, и многие ошибки, которые были сделаны в области пиар какого-то сопровождения даже открытия, в общем, они были нами предусмотрены, даже были рецепты как их избежать, это не то, что сейчас реализовано, но, так или иначе, в этом духе мы до сих пор существуем, и вот это «не только, но и» образует некий мир, такой мифогенный, образуется некая «фигура одичалых», при чем это цитата из сообщения пресс-секретарши Москомархитектуры. Она сказала, что «одичалые» вытоптали, но потом выясняется, что вроде как бы и не вытоптали,

Т.Б.: Или вырвали...

А.К.: Ничего не вырвали и не украли и «одичалых» этих не было. Непонятно, парк закрытый или открытый, он не только открытый, но и закрытый сейчас, вообще его открыли, но он пока закрытый. При этом, если в целом осмысливать концепцию, что такое это вообще: Путинский подарок или американский проект?

[смех]

А.К.: Он как бы не только путинский подарок, но и американский проект. Пытаюсь сделать вывод, я пришел к странной мысли, что всё это смешно и забавно, но всё это как открыло какой-то **портал в ад**.

Т.Б.: Не только в **ад**, но и в **рай**.

А.К.: Да! Спасибо, не думал даже, что это даже рай!

[громкий смех]

Т.Б.: Я это докажу сейчас.

А.К.: Довольно удобная это формула, мне сейчас говорят, что мы оказались в мире постправды, это и есть риторическая фигура постправды, где что-то происходит, но какбы вам говорят, что была химатака, например, но вам говорят, что её как бы и не было, мы бомбили чужой склад химоружия, но вообще то там не летают. И дальше все это продолжается, и, более того, московская власть действительно взяла это сейчас вполную на вооружение эту удобную форму, когда история с реновацией, она абсолютно про это, это как бы не только снос, но и стройка, это не только стройка, но и снос.

[смех]

А.К.: Если вы попытаетесь разобраться во всем, что происходит, то поймете, что существуют три понятия: стартовая площадка, экспериментальная площадка и пилотная площадка. Это три разные сущности. При этом, экспериментальные площадки не только экспериментальные, но и как бы пилотные, и они еще увеличиваются в размерах. Просто я вот хочу сказать, что говоря о том, что вот была претензия о неуместности Зарядья, оно потрясающе уместно в современной Москве, в современной России, абсолютно уместно в современном мире, который теперь вот так живет.

Б.Г.: Спасибо, Антон. Так, Тимур Башкаев, архитектор, автор интерьера общественных зон парка Зарядье.

Т.Б.: Мне повезло, я очень благодарен, гениальное выступление. Я послушав это умное выступление... но столько сказано интересного, что я тоже хочу немножко поделиться. Первое, отвечая на то, какие смыслы, на мой взгляд, в Зарядье. На мой взгляд, это модернизационный проект, западный проект. И в истории России, тем более Москвы, мы можем видеть чередование модернизационных проектов,

потом застой, откат, потом снова проект, рывок и снова откат. И, о, чудо, нам повезло, на наше поколение выпал этот редкий модернизационный проект, явно западный при чем, и многое этим и обосновывается. К конкурсу второму, в котором мы участвовали, предшествовал конкурс первый, кузьминский, помните, да? Помните первый конкурс на Зарядье? Ну это абсолютный откат, застой, и абсолютно наше вот такое почвеченеское шизофреническое абсолютно творчество, там были и купола, как раз вот Вы вспомнили (обращаясь к С.М.), купола накрывали, как раз вот в этом в первом конкурсе, когда люди предлагали купола, какие-то башни Татлина, какие-то яйца, какие-то были сплошные археологические музеи подземные, в общем, какой-то полный совершенно бред, в том числе какие-то простые парки с гравийными дорожками. Ну, в общем, это было всё абсолютно, это был всё по ногтю, это был откат. Второй конкурс, блестяще, мне кажется, проведенный, это был такой модернизационный проект. Но, как ни странно, начиналось всё это тоже амбивалентно. Когда объявили, что здесь будет парк, никто не знал, что здесь будут американцы, что здесь будет урбанизм, я просто пользуясь тем, что я немножко чуть ближе к авторам парка, неважно кто первый предложил идею парка. Надо помнить, на каком фоне это было сделано. Помните, какой был фон? Пришла команда Собянина и в полном была трансформации от транспортного коллапса, полная растерянность была, не знали, что делать, поотменяли проекты строительства новых зданий и вообще не было четко сформулированной программы транспортной, она будет через года полтора сформирована, и на фоне этого транспортного коллапса было принято решение, на мой взгляд очень логичное, ничего не делать на месте Зарядья, чтобы не провоцировать очередной транспортный коллапс, и не более того, не было никаких идей суперсовременного парка, идеи природы, ничего этого не было, просто освоить территорию так, чтобы не навредить. Это абсолютно такой (О.В. подсказывает – медицинский подход), да, медицинский, абсолютно совковый подход. Второй модернизационный рывок, был сделан блестящий конкурс, великолепно организованный, международное участие правильно прописано, гениальное ТЗ, только на такое ТЗ рождается такой гениальный проект, вот это «не только так, но и так» - это и есть идеальное ТЗ, потому что, если вы все пропишете, ничего не получится. И здесь, с одной стороны, у нас есть совершенно авторитарное, пришел Владимир Владимирович и сказал, что здесь будет парк, а с другой стороны, есть и модернизационное западное состояние проекта, это Петр Кудрявцев с сообществом «Друзья Зарядья», я не преувеличиваю значения этого, но я подчеркиваю, что это важно, что это было. Эти люди были реально, они реально встречались, они реально лоббировали эту идею парка, это было всё, можно сейчас взвешивать, что пересилило, но это неважно. Это росток западного демократического движения, оно было на тот момент. И, вот, чудо, сложились вещи, где-то проскочило, победил, но этого мало. Организовали великолепный конкурс, но, мы же знаем с вами, что происходит после любого блестящего конкурса, во-первых, могут выбрать того, кого надо. Спасибо, Коля рассказал историю прекрасную про дискуссию о гостинице «Россия», но никакие дискуссии не отменили этого проекта, никакого конкурса, мне кажется, не было. Поручили Чечулину, блестяще... Чечулин все прекрасно знал и поручили ему, и он построил то, что мог. Конечно, тот еще модернист. О, кстати, абсолютно, восточно...

российский, как сам, Чечулин, орлы, помнишь? Аэрофлот, орел парящий, да? (обращаясь к Н.М.), кто помнит, что это **нацистская абсолютно символика**. Дальше, вы говорите, идеальное слово... «Он и закрытый, и открытый» ... Это говорится буквально обо всем. Под парком Зарядье находятся совершенно секретные объекты с высочайшим уровнем секретности, и поэтому у нас наверху абсолютно свободный открытый парк, а внизу... никто реально даже не знает, что там находится, все просто боятся даже об этом говорить. Это тоже удивительная вещь. Дальше, конкурс... подается огромное количество проектов, много наших хороших очень высокого уровня удивительных проектов, и, о, чудо, побеждает очень хороший проект. Так странно и по-честному, «Атриума» тоже хороший проект, у Diller, конечно, блестящий проект. Кто там это помог, я не знаю, но... Наша элита, городская там, или страны, она осознала это, представляете, ну это же чудо, что это лучший проект и наша элита это осознала. Раньше они бы никогда в жизни этого не поняли бы. Им объяснили, они как-то это вняли, они принимают американский проект, там уже начинаются эти трения, но они все равно принимают американский проект как часть модернизационного плана, и тут же борются с ним, то, что принимается, это хорошее, а реализуется восточными абсолютно авторитарными кошмарными нашими совковыми способами. Этот блестящий проект, как бы откат реализуется чудовищно по организации строительства, по всем процедурам конкурсным, и чудо, что он вообще в таком виде дошел. И это чудо людей, которые там работали, в том числе Кузнецов там и многие, которые положили своё здоровье и жизнь, чтобы это всё было реализовано.

Теперь по поводу самой сути проекта. Меня очень покорибили Ваши слова что это колониальный проект (обращаясь к С.М.), и я докажу, почему это не так. Делали Diller Scofidio парк Хай Лайн. Вот почему Хай-лайн – это не колониальный проект, а парк Зарядье колониальный? Ну это просто передергивает. Это два совершенно одинаковых диалога двух парков, чуть-чуть по-разному с природой, где природа – главный объект, на стыке с городом, высочайшего концептуального качества продукт, никакого даже налета колониального нет, и я с людьми общался, это люди мира вообще, очень одухотворенные люди, никакого у них нет к нам... во всяком случае, нет комплекса неполноценности... там, к нам относятся как к туземцам... ничего подобного! На полном серьезе люди сделали по максимуму то, что они могли, и я рад, друзья, что это было организовано.

Теперь по поводу самой концепции парка, я согласен с Григорием, что природа имеет аспект... как что-то выставочное, музейное... Особенно хорош пример [неразборчиво], одна из первых инсталляций, там масса проблем с деревьями, с поддержкой, там очень много вкачано ресурсов, первый пример, сделан по полному серьезу пример биоценоза в городских условиях очень тесных, но они с этим справились. Тогда стало понятно, что природа просто так не выживает в городе... Но я хочу подчеркнуть совсем другой аспект парка, я очень удивлен, что кафедра урбанистики там, или как, этого не замечают. Это, конечно, главный вопрос. На каких же принципах должна жить природа в городе? Это совершенно удивительные принципы. Мы все знаем, что город изначально никакой природы вообще не подразумевает. Природу просто выжигали, вытаптывали, ставили дома, рынки там, ремесло... Природа появилась довольно поздно в урбанизме по мере расширения города, но изначально в городе ее нет. И проблема интеграции природы в город – это огромная проблема, потому что как только размер этого

биоценоза сжимается и он просто умирает, если вы делаете большой как бы такой анклав, как бы такое природное гетто в городе, да, таких десятки огромных в городе есть, но это не соединение природы с городом. Почему? Потому что город растя, уплотняется и он больше не выдержит такого размера природные анклавы, которые находятся рядом на земле, город будет постепенно их перемалывать, особенно если парк в центре. А природа нужна ведь, и это необходимо совершенно, и этот запрос не случайный. Ну понятно, всякие там физиологические, там, психология... это всё нужно. И природу надо интегрировать в город. В какой город? В высокоплотный город. А как её интегрировать в высокоплотный город, если нет реальной земли, а вот это сделано в Хай Лайне, выяснилось, что природа может существовать не отдельно, а рядом с городом, над городом, под городом, она может с городом сосуществовать и это совершенно новый уровень урбанизма, за который я уже вот много-много лет за него бьюсь, это искусственные зеленые платформы, мы лет уже 10 это прорабатываем, то есть природу надо создавать уже в плотном городе, используя все его лучшие качества и здесь это сделано просто блестяще. Искусственные холмы, там... земля 2-3 метра, ничего там особенного нет, в 2-3 метра уже полностью существует сама природа и не надо там ничего, всё нормально живет и существует. И в этом смысле природный урбанизм - это вообще новый идеологический шаг в сосуществовании природы и города. И поэтому мне очень не понравились претензии к пиксельному мощению, это удивительно, я прочитал статью Колесникова, официальный летописец Путина в Коммерсанте, значит, описывает приезд Путина в парк, всё пишет нормально, конечно, в своем стиле, немножко иронично, но в конце «ну что это за пиксельное мощение, что это за гранит, который Собянин клал на улицах, зачем его запустили в парк». Человек показал полное непонимание самой идеологии парка. Специально люди запустили гранит из города в природу, а не гравий насыпали, а специально тот гранит, которым уложили пол-Москвы, чтобы показать, что может город существовать, да, на особых условиях, но надо же понимать, что это уже следующий уровень развития природы, и это визуально показано, и это сделано блестяще, никакого гравия там не должно быть.

И, последнее, о претензии, типа, что парк – это цирк и аттракцион типа. Пора уже пересмотреть это отношение, друзья мои. Аттракцион – это один из важнейших параметров нашей среды. Аттракционы порождают эмоции. Эффективность уже не так... Эмоции - это важнейший продукт, эмоции капитализируют город, капитализируют среду. Что сделали в Хай Лайне? Кто там был? Что там сделано? Там вызывают эмоции. Ты поднимаешься туда, и ты идешь в хорошем настроении, и всё, и больше ничего нет, ты смотришь на город... И удивительным образом эмоции капитализируют город, просто на глазах развивается район только ради эмоций, больше ничего, там не появилось ни коммуникаций, ни транспорта, ничего, но просто там появились люди с хорошим эмоциями. И вот парк Зарядье, главная его задача, да с помощью аттракционов, но зато они порождают огромные положительные эмоции, даже меня, которого фиг чем удивишь, сразу ты выходишь под корой, видишь этот вид, и работает колоссальнейший wow-эффект. Споря с градостроителями и культурологами, Ильей Заливухиным, даже если очень нужен был мост в ту сторону, ни в коем случае строить мост там нельзя. Вот, например, построили Патриарший мост. И что? Стоит эта жалкая поделка какая-то, хотя там тоже красивый вид открывается, но как-то это всё не возбуждает. Потому что

специально не утилитарный мост, специально аттракцион, который специально рассчитан... не надо там идти, там нет надобности и эффективности, только эмоции, и ты это понимаешь. И важно делать консоль, вот опоры под мост... Ну что, жалко было поставить опоры и сэкономите 300 млн рублей. Но если вы поставите опоры, вы потеряете все эмоции, и всё пропадет. Я вам скажу больше, по изначальному проекту там стоял лифт для инвалидов стеклянный, между V-образным, только лифт, там не было опор, но он показывал, как будто опоры есть, и всё... всё пропало. Убрали лифт специально, чтобы не портить это ощущение, что нет там опор, представляете. И вот это надо понять. Ради этих эффектов сейчас живет и город. Мы переходим в другой мир, и надо понимать, что эмоции сейчас – это самое важное, и природа должна существовать по-новому.

Б.Г.: Спасибо. Поскольку у нас остается ровно 40 минут до конца всего мероприятия.

Т.Б.: А три круга, три круга...

Б.Г.: А вы что думаете, что много? В 22.30 мы должны закончить. Хотелось бы оставить минут 20 на вопросы и реплики аудитории. Давайте я сейчас не буду ставить принципиально никаких новых вопросов, поскольку все смыслы, в общем-то, проявлены, все позиции понятны. Организаторы – большие молодцы, потому что собрали здесь такой спектр полярно противоположных и всех возможных промежуточных позиций. Поэтому сейчас я предложу спикерам буквально 2 минуты и уже строго для заключительного слова, самое важное, что вы бы хотели про парк Зарядье сказать и затем вопросы и реплики публики.

И.З.: Давайте уж по одной...

О.В.: Да может сразу к вопросам, репликам?

Г.Р.: Может сразу к репликами?

О.В.: Конечно...

Б.Г.: Вы готовы этим пожертвовать...

И.З.: да, давайте...

С.М.: Но мне есть что сказать. Я просто даже не возразить, я просто, понимаете, я здесь выгляжу как человек, который как из новогоднего анекдота [смех], который 1го января пришел сдавать игрушки: блестят, то блестят, светятся, но не радуют. [смех]

Меня в течение полутора часов убеждали какой офигенный проект мне, собственно, подарило государство и мировая архитектурная мысль, а вот я тот самый тот с похмела человек, которого вот это всё не радует. Я ничего с собой не могу поделаться. Я понимаю, что по шахматам, по клеточкам всё разложили, как оно всё правильно, как оно должно быть. Действительно, граница природы и культуры, и, так сказать, вот вам, пожалуйста, тундра рядом с гранитной плиткой. Понимаете, я вот там был, специально пошел посмотреть, для меня, это, простите, грязь, визуальная грязь, и не потому что сейчас там развезло, дожди, а потому что это те перспективы, которые я бы хотел видеть, они визуально грязные. Я понимаю, Григорий, что русский храм вырастает из леса, вырастает из пригорка, вырастает из пейзажа. И я прекрасно знаю, как вырастает Покрова на Нерли, когда едешь там за Владимиром в электричке, в поезде и как она встает из этого русского пейзажа. Я не хочу, чтобы храм Василия Блаженного вставал под колымским редколесьем, если только целью не является, как в том анекдоте, какое самое высокое здание в

Ленинграде, большой дом, с него Колыму видно. Тут мне хотели напомнить Колыму – напомнили. В этом смысле я вот соглашусь с тем, что коллеги говорили, с тем, что Ольга говорила, действительно, это не выявление идентичности московской, а это конструирование идентичности, как и весь этот новый урбанизм, который сейчас с нами происходит. Григорий, у нас с Вами была заочная полемика, Вы писали там в Републике, а я критиковал, при том, что я совершенно с уважением отношусь к Вашей аргументации, и к Вам естественно, и кто я чтобы об урбанизме писать. Но, тем не менее, проблема в том и с новым, так сказать, благоустройством города, и с Новой Улицей, это всё октроируется, это все дается государством, и мы, как благодарные граждане, как благодарные субъекты, должны все это воспринимать. Вот сейчас нам конструирует **постимперскую евразийскую идентичность**. Там, действительно, климатические зоны, я прочитал там на сайте Мосгорстроя, там и степное предполагалось, там и тундровое, то есть все вот эти климатические зоны, то есть Россия, утратившая, которая не может найти собственную идентичность, ей предлагается вот эта вот новая постимперская идентичность, но, в итоге, выходит постимперская идентичность, последнее, что я хочу сказать, гибридная... Вот слово «гибридная» здесь очень важное. Это действительно, я соглашусь с тем, что, да, это действительно памятник эпохи, Вы абсолютно правильно сказали, но памятник именно путинской эпохе, **памятник гибридной войны, памятник постправде** и памятник эмоциям.

Да, эмоции. Вы сейчас так убедительно рассказали (обращаясь к Т.Б.) про эмоции, точно так же можно рассказать про новогодний огонек на первом канале - вот нам дадут эмоцию. И вся постправда стоит на эмоции, и весь фейсбук стоит на эмоции, понимаете, а я хочу не эмоций, я не хочу позитива, я не хочу жить на позитиве, я не хочу жить на wow-эффекте. Я хочу жить на гораздо более сложной гамме ощущений, которое могло бы дать мне это место. Так что, еще раз, не хочу быть тут чисто таким критиканом выступить, естественно, это лучше, чем если там бы пустырь, или, при всем уважении, там была бы гостиница «Россия». Это хорошо, что он появился. Но я хочу здесь выступить как Плевако наоборот, который свою речь всегда начинал «Господа, а все могло бы быть гораздо хуже». Вот я хочу сказать, господа и дамы, всё могло быть значительно лучше. Мне кажется, это хороший шанс, Москва лучше с этим, но это упущенный шанс. Это то, что могло бы быть, но то, чего не стало. И вот в этом, моя претензия, может быть, действительно, не жителя объединенной Евразии, как вот Саша Морозов пишет сейчас, что «Москва – столица объединенной Евразии», когда смотрит на вот это всё, не как житель объединенной евразии, а как москвича. Понимаете, как москвич, я чувствую, что вот была возможность у меня получить хорошую панораму, хорошую перспективу, а вместо нее между мной и Кремлем построили альпийскую горку, а вот мне не нравится альпийские горки на палисадниках усадебного участка, вот Сергей сидит здесь на фейсбуке, у нас по этому поводу была дискуссия, он говорит: «у меня хорошая на даче альпийская горка», а мне не нравится альпийская горка. Для меня есть эстетика подмосковной дачи, эстетика подмосковной усадьбы: вот здесь вот пионы растут, вот здесь сирень растёт, а вот пришли новые русские...

Т.Б.: Это первый конкурс...

С.М.: И вот эта альпийская горка, которую еще хотели корой накрыть, земной корой стеклянной. Так что, я выступаю на этом зазоре своего понимания, умом я понимаю,

как это всё правильно, и какие хорошие архитекторы там работали и как все по науке должно работать, а как москвич туда прихожу и не радуется.

Т.Б.: А можно короткую ремарку? Короткую, можно? В тему природного урбанизма. Как мы живем в мире мифов, да? Сказали про покров на Нерли, который красиво вставал из природы. Но она (церковь) никогда в жизни такой не была. Церковь Покрова на Нерли стояла на искусственном холме, облицованным известняком, на 5 метров высотой. Это был такой новый природный урбанизм. Это был такой искусственный рельеф. Вы урбанист... Она задумывалась архитектором изначально как стоящая на искусственном холме, облицованным, там был спуск, там Нерль была судоходная, подплывали прямо к нему и поэтому пятиметровый холм был засыпан известняком. Представляете какая картина? И она стояла не над природой, а на вот этом вот рукотворном совершенно холме. Это абсолютно парк Зарядье 13 века.

И.З.: Можно я тоже немножко добавлю? Сергей не даст соврать, я столько защищал парк Зарядье.

С.М.: Было...

И.З.: Все время говорил по эфиру и по радио, что парк замечательный и мне нравится и так далее, но позволю себе в рамках этого узкого круга, мы же можем посмотреть еще, ну как бы не провоцируя что-то, а просто для себя разобраться. Мне кажется, что, я, как бы, реагируя на Тимура, что действительно сегодняшнее время немножко не функциональное, оно красивое, оно современное, и, видимо, без этого нельзя было обойтись, потому что лужковское время было достаточно функциональное, но совершенно некрасивое. Этот мост через Темзу в Tate Modern тебя бы наверное вряд ли смущал, потому что он сделан хорошими архитекторами, но вот Патриарший мост, когда я хожу там, он действительно чудовищный с его рюшами, он абсолютно неконструктивен, но он при этом функционален. И, вообще, всё это благоустройство Садового кольца, да, надо было транспортные вопросы решать, а мы, как бы, гранит кладем и деревья высаживаем, там надо было левые повороты открывать, светофоры ставить, должна быть комплексная программа, и тогда благоустройство является как бы частью этой комплексной программы. А мы, действительно, все хотим быть похожими на запад, при этом забывая про какие-то функциональные вещи. И вот сегодняшнее время, оно очень красивое, оно современное, и я думаю, что с этим невозможно спорить. Вот сегодня я проезжал Новинский пассаж, думаю, господи, ну конечно тут должен красивый современный светлый камень известного архитектора стоять, и почему вообще его до сих пор тут нет, да. От Чобана, например... Какие-то хорошие вещи, которые вообще...то есть это же ужас какой-то... Но в то же время, сегодняшнее время, оно вот такое... Я думаю, что все-таки это должно было случиться, гостиница «Россия» неслучайно была снесена, высотка там не случайно не была построена и парк Зарядье не случайно возник. Я вообще верю в Россию, как в какую-то, не знаю, совершенно иную субстанцию, и все что здесь делается - не случайно.

Действительно, это парк возник, чтобы мы могли это обсудить и как-то двинуться дальше. Вообще, спорить о том, что этот парк замечательный, как бы я даже не буду, я вообще считаю, что не за 10 лет, а с 1961 года, со времен Дворца пионеров на Воробьевых горах ничего интересного не создавалось, где Заха Хадид приезжала в Москву, и говорила, что её интересуют не МГУ, Дворец пионеров на

Воробьевых горах. 1961 год. И вот 2017... И вот парк Зарядье и его как бы красота, и все-таки парк уже продвинулся дальше от Садового кольца, там есть какая-то, в общем-то, функциональность, но, можно было бы, естественно, сделать лучше, можно было бы решить набережную, можно было бы к церквям подойти не задом, а задать регламент, чтобы там тоже был какой-то холм. Можно было точнее прописать техническое задание. Не то, что бы я сравнивая говорю, что это Стрелка прописала, не Стрелка. Просто этот опыт, который мы имеем сейчас, принять и двигаться дальше, естественно, не ругая и не хая его. Ну просто в этом смысле Сергей, как ну такой вот человек, он ну как бы заставляет меня еще раз посмотреть на то, а всё ли мы сделали правильно. Это же нормально. Когда ты пробиваешь такой парк, я понимаю, да, понимаю реакцию, когда он пробил, сделал, и когда там кто-то начинает, что, а вот вы там что-то не так сделали, то есть поймите, когда там он начинает на фейсбуке с кем то спорить с кем то в ночи. Как можно, зачем вообще спорить с такими людьми, да... Тут начинаешь поддерживать сразу всё.

[смех]

Из-за этого у меня возникла такая реакция поддержки и моста, если раньше у меня были какое-то сомнения, то сейчас я вступил в этот бой, просто я не мог вот удержаться... Но вот так вот, между нами, я воспринимаю наше обсуждение, наше сообщество на другом каком-то уровне. Действительно, надо об этом говорить, как обсуждали гостиницу «Россия», когда уже она была построена, можно было говорить «а вот как там что-то получилось» и двигаться дальше. Двинуться с другими объектами, с другими проектами. Ты говоришь, нам повезло, мы родились, мы вообще живем.

[смех]

Но это время, все-таки, это время довольно таки классических решений. Я не говорю про архитектуру, я говорю про жест, парк для меня - это вообще классическое решение. Потому что неклассическим решением было бы там общежитие для студентов сделать, что-нибудь такое, какая-нибудь странная такая фигня, которая лежит в области функционализма городского. Все мы мыслим о том, что такое облик города, высотность, а люди живут где-то за МКАД-ом, про них никто не знает, они по 3 часа ездят в центр. То есть об этом я готов поговорить, что... ну давайте не бояться нетривиальных предложений, чего все так напали на Фостера, что вот Фостер что-то ужасное предложил, вот маленькие скверики у воды, застройку, нужно позволить себе... Мы даже не позволяем себе обсудить, что эта застройка могла бы быть, например, практически вся половина парка могла быть застроена социальным жильем, мини-университетом, еще что-то... там какой-нибудь разный рынок. Но это так, я даже боюсь об этом говорить, и так что-то так постоянно говорю.

Г.Р.: Сергей, к Вам, прежде всего, правы Вы, конечно, могло быть и лучше, что тут уж говорить. Мне надо сказать, в настоящий момент я являюсь партнером КБ Стрелка, но я не имел никакого отношения к составлению программ этого парка, проведению конкурса, а пришел когда уже было всё сделано. В тот момент, когда начался парк, Стрелку давно выгнали с этого проекта, и никаких ее следов там не было, то есть конкурс провели, всё, до свидания.

Понимаете, да, есть резоны в том, что Вы говорите, могло быть лучше, и в том, что Вы Илья, говорите, функциональное и так далее. Есть такая вещь, понимаете, это

я особенно архитекторам сейчас говорю, вы не очень понимаете того обстоятельства, что качество вещи людьми в материальной среде плохо воспринимаются. Они не считают талантливых решений, они не понимают, это талантливое здание или дрянь, они идут по улицам и не понимают, это можно утвердить только через ценности сообщества. Поэтому для меня очень важным является то, что это талантливый, выдающийся проект, а всё остальное, господа, можно и Джоконду критиковать, у нее такая невнятная улыбка.

[смех]

Т.Б.: Улыбка странная, хоть бы улыбнулась нормально.

Г.Р.: Сначала надо утвердить качество как абсолютную ценность...

Т.Б.: В сообществе...

Г.Р.: Да, в сообществе, потому что дальше обыватели примут, если сообщество... А если всё сообщество будет рассказывать, что блин, панораму перекрыли, наследие потеряли, то всё... Сопоставлять Зарядье с благоустройством принципиально не правильно, Благоустройства – это не авторская вещь, не может быть гениальной велосипедной дорожки. Она либо есть, либо ее нет, может быть либо хорошая, либо плохая, либо очень плохая, но она не может быть талантливой. А это произведение, в нем есть авторская художественная ценность и её надо утвердить.

Т.Б.: Правильно. И чем больше мы ругаем, тем больше отвергает следующий проект.

И.З.: Публично ругать этот проект не нужно, это бессмысленно, потому что иначе оно вообще никуда не двинется, но нужно понять какие-то его тонкости, это и было нужно обсудить. Я думаю, Триумф галерея и Вышка хотела вот об этом говорить, не на телевидении, а здесь.

Из зала (смеются): И тут трансляция в интернет.

[громкий смех]

Т.Б.: А я все секреты выдал...

Б.Г.: Мне совершенно не кажется, что парк, безусловно являющийся талантливым проектом, относится к ряду таких вещей, которые даже осуждать нельзя, и не вполне понимаю чем проект такого рода навредить, нормальное взвешенное компетентное экспертное обсуждение здесь, скорее, наоборот... Продолжая эту линию, перед тем как Вам передать слово, такая еще маленькая ложка дёгтя. Все-таки у нас же очень сильно москвоцентричная страна, региональные столицы смотрят на Москву, что они, как мне кажется, видят из этой истории, находясь где-то не знаю, не важно, в Перми, в Самаре, еще где-то. Они видят, что хорошо делать для народа красиво. Сделали красиво, ок, прекрасно. Вторая мысль, что хорошо, когда делаешь для народа «аттракционы» ...

И.З.: И за деньги народа...

Б.Г.: Аттракционы. Приходишь, смотришь, любишься. Что остается в дефиците, мне совершенно не согласиться с Сергеем Медведевым, это умение слышать пространство, умение понимать естественную жизнь города, что в нем уже есть, какая у него историческая ткань, как можно актуализировать смыслы исторического наследия и т.д. Если этот подход принимается, то мы получим много-много симуляторов. Ок, это частное... Пожалуйста, ваши вопросы, реплики, суждения, согласия, несогласия...

Из зала: У меня была ремарка, тут Николай с Тимуром, развенчивая мифы, воспроизвели новый миф, сказав, что Зарядье было снесено в 1940-1941 гг., тогда были снесены кварталы между Моквинским и Иршовым переулками, в восточной части Зарядья, а в 1948 году в Зарядье 7890 человек, их расселяли в 1949-1950 гг. в разные места в процессе постройки, и, вообще последний дом из гражданской так называемой рядовой постройки 19 века в Зарядье был снесен летом 1966 года. Вопрос довольно частный, вы знаете, наверное, те, кто изучал историю Зарядья, знают, что существовал острый угол Китай-города, который на стыке Китайгородского проезда и Замоскворецкой набережной, был увенчан Наугольной башней, там было Короткое прясло стены, и Космодемьянские ворота, через которые Великая улица в свое время выходила на Васильевский лужок, и в 2005 г. перед тем как был начат снос гостиницы «Россия» спецпроект реставрации разработали научно-проектную документацию по восстановлению Наугольной башни, Короткого прясла и Космодемьянских ворот, но в конце концов это не было реализовано, видимо, это Шалва Чигиринский должен был на свои средства сделать, но потом начались суды, потом в 2015 году эта идея была как-то реанимирована, но там тоже не сложилось. Вот не считаете ли вы, что сейчас это место, не смотря на то, что это парк, все-таки, а не городской сад, который должен быть закрыт, он специально должен быть доступен с разных сторон, не считаете ли вы, что все равно, вот этот участок, этот угол бывший Китай-города, он оголен, там стоит одна церковь зачатия Анны, и что имеет, может быть, смысл, подумать в дальнейшем о восстановлении все-таки Наугольной башни, прясла и Космодемьянских ворот. Понятно, что реставрация должна быть научной, по технологиям 16 века, наверное выполненной. Если кирпичи сделать по технологии, по которой они были сделаны в 16 веке, занести своды, вот... Что Вы думаете?

И.З.: Это какая-то лужковская история, когда он там восстанавливал вот эти ворота и так далее... То, что снесено, то снесено, это вот мое мнение. Может быть она голая там, эта церковь, не буду обсуждать эти детали... но восстанавливать стену там... Просто, знаете, были такие проекты, в интернете все спорили, я наконец посмотрел что там люди все обсуждают, проект восстановления полностью Китайгородской стены, фундаментов, ну это уже совсем не функциональные вещи. Ходить по этим помосткам, смотреть на эти фундаменты...

Из зала: Нет-нет, не полностью, там всего 2 башни и прясло между ними.

Т.Б.: Зачем, зачем? Для чего?

И.З.: Надо понимать просто зачем это? Не форму, а суть. Какая суть этого? Это даст восприятие какой-то старой Москвы? Что это даст? То есть, если Вы скажете, что это дало бы то-то, ок, это может можно обсуждать...Что дает?

Из зала: Ну, во-первых, Парк будет визуально защищен.

Т.Б.: Идея его наоборот раскрыть, зачем защищать?

И.З.: Это не соответствует идеям победившего конкурсного проекта. Это нормально. Вот был бы другой проект... то он был бы выбран. Правда, были же разные решения...

Из зала: Тем не менее в 2015 году вернулись к этой идее и просто там не сложилось из-за того, что...

Т.Б.: В 2015 году же не было уже Чигиринского, что Вы говорите... Уже никого не было...

Б.Г.: Пожалуйста, еще вопросы, реплики, суждения.

Из зала: Если вот на минуту абстрагироваться от Москвы, я помню, как Рикардо Скофидио объяснял вот эту идею соединения ландшафтов. Вот, наверное, у меня, скорее, к архитекторам вопрос. Я как архитектор, да. Можете ли Вы представить такой же проект соединения в Риме или в Пекине, ну вот нет такой страны, где не было бы разных климатических зон, вот именно соединение этих разных климатических зон. Как вы его можете оценивать?

Т.Б.: Конечно, а в чем проблема, просто мы сделали это первыми. Но это могу легко представить. В чем проблема?

Г.Р.: В Сингапуре есть основные ботанические сады, в которых произведено 20 ландшафтов со всего мира, там есть русский ландшафт с соснами, со всеми этими...

Т.Б.: Ответ – да, можно представить.

И.З.: На эти же парки специально свозили разные растения, разные деревья. А почему нет? Что это мешает? То есть это такая оригинальная идея, она мне тоже казалась такой телевизионной, показать всю страну... ну почему нет. Не знаю, у меня это не вызывает вопросов.

Из зала: В принципе, все парки, которые у нас есть в Москве, какие-то мы больше любим, какие-то меньше, этот я пока не полюбил, но надеюсь, что полюблю. Мне в этом парке больше нравится в принципе появление новых каких-то доминант, я вообще сторонник любого нового, даже если потом оно окажется неправильным, моя концепция такая, придумали генную инженерию, давай, выращивай себе руки, ноги ... здесь вот в городе не хватает такого современного технологического безумия, когда быстро вырастают какие-то структуры, может быть они и быстро потом исчезнут. Такая вещь, конечно, быстро не исчезнет. Но как бы вот такие даже рор-ур вещи, которые раз возникли и смотрим...

И.З.: Я вот тоже думаю, что я там пешеходный мост спокойно себе вижу, пусть этот аттракцион там будет, а рядом построим пешеходный мост, почему нет.

Т.Б.: Да... как бостонский плоский...

И.З.: Когда разрешит вода над собой... тот берег принять...

Из зала: Я хотел бы отметить, что даже не смотря на мерзкую политику и все такое прочее, мы все равно знаем, что в сухом остатке, остаются какие-то вещи, которые не смотря на всё плохое, они дают какой-то положительный эффект всё-таки.

И.З.: Мы сейчас обсуждаем такие детали, которые помогут нам двигаться вперед. Например, я извиняюсь, но все-таки сделайте этот мост. Это, кстати, тема для статьи...

[смех]

И.З.: А вы знаете почему там вагончики маленькие? Потому что там борьба была. Я Вам потом расскажу...

Из зала: Ну вот монорельс, я пытался на нем несколько раз прокатиться, он, как сказать...

И.З.: Он, кстати, аттракцион!

Т.Б.: Так он и делался как...

Из зала: Я хотел просто посмотреть, как... пейзаж там...

Т.Б.: Экспо на ВДНХ, к нему так и планировался, делался, именно как аттракцион.

Из зала: Останкино, пожалуйста...

И.З.: Да не, ну конечно, должна быть полноценная система ЛРТ, как кусочек он не работает...

Т.Б.: Он никогда не задумывался как ЛРТ, никогда... Это был аттракцион с самого начала...

Из зала: Давайте тогда сделаем из него настоящий аттракцион!

С.М.: Надо было как London Eye поставить, колесо у Кремля, вот был бы аттракцион. И Кремль видно и вся Москва как на ладони, поставили бы колесо...

Т.Б.: Хорошая идея...

Б.Г.: Друзья, есть еще вопросы, реплики, суждения?

О.В.: Уже домой хотим...

М.М.: Небольшой комментарий к колониализму (или не колониализму?) парка Зарядье и других проектов, этот колониальный контекст я вижу шире в контексте парка Зарядья, его политэкономии, в том, как он строился, а именно в том, кто его строил. 8 сентября и утром 9 сентября парк был заполнен гастарбайтерами из стран бывшего Советского Союза или с Кавказа, не из метрополии Московской...

Т.Б.: Это неправда!

М.М.: а через 2 часа был заполнен в большинстве как бы москвичами, которые просто гуляли.

Из зала: Белыми, белыми людьми...

М.М.: Парк Зарядье был построен, которые в большей части являлись иммигрантами из России или других республик бывшего Советского Союза. А другое проявление колониального контекста в проекта парка, это то, что парк Зарядье был проект, который родился при помощи КБ Стрелка, а КБ Стрелка сейчас идет другим направлением, «колонирует» немножко всю Россию... 40 городов...

Г.Р.: 400... 400...

М.М.: Окей. Может быть, можно рассмотреть идею колониализма в этом контексте?

О.В.: Что надо определять, как «колониализм»? Может быть, просто вопрос неправильно поставлен?

М.М.: Может быть, а второй вопрос: будет ли парк Зарядье меняться? Мы сейчас говорим о нем о таком, какой он есть. Есть ли какая-то концепция того, как он будет меняться? Может быть, там поставят памятник Ислама Каримова, который должен быть поставлен в Замоскворечье? Может быть там будет много памятников?

Т.Б.: Зря Вы это сказали...

М.М.: Можно ли говорить об изменениях парка Зарядье, или он будет таким, какой он есть сейчас?

Г.Р.: Поскольку Вы затронули КБ Стрелка,

[смех]

Да, конечно, мы страшные, собственно генштаб колониальных войск...

[громкий смех]

Г.Р.: Который на настоящий момент завоевывает Россию, это мы, мы угнетаем по всем городам, эксплуатируем к благоустройству... Чтоб, блин, с утра встал и на велосипед! И, бесконечно, да, мы себя так и ведем. И практически, в России сейчас 1112 городов, из них половину мы и делаем, и та часть, где непонятно где здесь колония, а где, так сказать, какая колонизирующая часть, кроме меня, я тут работаю как Геббельс...

[громкий смех]

Как идеолог этого процесса колониального, вот, и, конечно, меня страшно волнуют перспективы колониализма, и я хотел бы и дальше двигаться в этом направлении.

Т.Б.: Гениально!

А.К.: Я сегодня очень внимательно читал ТЗ на конкурс, и, действительно, и Григорий правильно сказал, что не имел отношения к ТЗ, но в ТЗ он указан, как консультант по идеологии.

[громкий смех]

Из зала: Можно вот про Стрелку. Когда в 2009 году пришла туда Стрелка, ну на Стрелке была Арт Стрелка, если Вы не в курсе, потом пришла другая Стрелка, и выжили художников, я, кстати, тоже там был, и как бы пришлось уехать, я был страшно расстроен и всё, как бы... но, не смотря на то, что оттуда нас поперли, я считаю, что, в принципе, место лучше стало, потому что художники были не в состоянии освоить это место, придать ему динамику, они сделали какой-то такой импульс для его развития первоначально, а потом...

И.З.: Я считаю, что там вообще место для небоскребов...

Т.Б.: И моста! Надо общагу!

С.М.: Я тебе больше скажу, что работа над этим конкурсом велась вашими горожанами...

Из зала: Ааа... Ну, тогда, значит, я тоже к этому приложил...

И.З.: А Вы затронули просто очень сложную тему, которая связана с тем, что у городов нет своих денег, у нас города не зарабатывают, у нас советская система.

Т.Б.: Это отдельная тема, Илья, пожалей нас.

Б.Г.: Это большая тема...

И.З.: Как зарабатывает Тюмень и она дает деньги Москве, и Москва их распространяет, и вот соответственно кто девушку, что там ...

Т.Б.: Не знаю...

И.З.: Вопрос то не к Стрелке. У городов нет денег. А деньги идут из Москвы, вместе со Стрелкой... Это тема вообще развития городов.

О.В.: Я не могу здесь не вмешаться, поскольку это для меня профессионально... Мне кажется, что вопрос диффузии инноваций, который всегда связан со столицами, не имеет никакого отношения к колониализму. И это характерно для всего мира, для самых демократических стран, если вы возьмете Францию, которая страна чрезвычайно централизованная, где тоже существует Париж и французская пустыня, вы там найдете точно такой же парижский колониализм.

И.З.: В смысле, то есть Париж делает города Леон, Дижон, и другие города?

О.В.: Париж – это образец, это пример распространения политики, речь идет о колониализме трансляции модели.

С.М.: Идея звучит так, что есть люди, которые знают, как лучше, есть профессиональное сообщество, и есть большая страна, которая должна слушать это профессиональное общество.

Т.Б.: Так и есть, мы реально знаем, как лучше.

С.М.: Я, как представитель страны, а не профессионального общества, смущен такой оптикой.

О.В.: А так везде, профессионалы есть везде, это не значит, что они сосредоточены в одном месте, Россия в это случае потрясающая страна, потому что приезжая в

провинцию находишь совершенно блистательных людей, находишь таких философов, каких в Москве не встречал. Здесь я как раз не согласна вот с таким высокомерием считать, что все сосредоточено в Москве, да и никто из профессионалов с такой точкой зрения не согласится.

И.З.: Ну да, и поэтому надо и выстраивать такую политику, чтобы то, что вы говорите, что является абсолютной правдой, да, поддерживалось, нужно, действительно, дать возможность, во-первых, городам иметь эти деньги для начала, иметь стратегии развития...

О.В.: Извините, перебую, просто столько раз это слышала, невозможную. Если люди не знают, что делать с деньгами, денег лучше не давать.

И.З.: Должна быть стратегия, поэтом сначала должны сделать стратегию...

О.В.: Вам можно делать стратегии, если Вы знаете...

Т.Б.: Я не знаю...

Б.Г.: Друзья, тема очень важная, сложная, но это совершенно отдельные темы, можно их запланировать как отдельные дискуссии... Спасибо огромное всем... Очень интересный разговор...